

ВЕСТНИК

Бурятского государственного университета

Филология

2010 / 10

Особенности интродуктивной референции в корякском литературном тексте (на материале повестей Кеччай Кеккетын)

Сопоставление интродуктивных номинаций в корякских фольклорных, бытовых и литературных текстах позволяет выявить особенности референциальных дескрипций в литературном тексте. Для актуализации референтов первый корякский писатель Кеччай Кеккетын создает оригинальные сложные интродуктивные дескрипции, включающие качественные прилагательные и атрибутивы, что не характерно для корякской бытовой речи и фольклора.

Ключевые слова: интродуктивная референция, дескрипция, фольклорный текст, литературный текст, корякский язык, Кеччай Кеккетын.

T.A. Golovaneva

The peculiarities of introductory reference in the Koryak literary text (based on the stories of Kechchaj Kekketyn)

The comparison of introductory nominations in Koryak folklore, household and literary texts allows to reveal the peculiarities of referential descriptions in the literary text. The first Koryak writer Kechchaj Kekketyn creates the original complex introductory descriptions, including qualitative adjectives and attributives, for the actualization of referents, that is not customary for Koryak household speech and folklore.

Key words: introductory reference, description, folklore text, literary text, the Koryak language, Kechchaj Kekketyn.

Корякская литература возникла в середине 30-х гг. XX в. В этот период закончили обучение в Институте народов Севера несколько уроженцев корякских сел, в числе которых были Лев Жуков, Иван Баранников и Кеччай Кеккетын.

Под влиянием талантливого ученого, энтузиаста, учителя С.Н. Стебницкого молодые коряки, освоив правила только что появившейся корякской письменности, пробуют писать. Лев Жуков и Иван Баранников обращаются к фольклорным сказкам и историческим преданиям, которые служат основой для их литературного творчества. Кеччай Кеккетын создает оригинальные произведения, повествующие о нравах коряков. В своем творчестве он ориентируется на открытия русского критического реализма и достигает значительных успехов. Коряки очень любили его книги, его тексты воспринимали как абсолютно достоверные. Повести Кеччая Кеккетына можно считать подлинным образцом корякской литературы. Оригинальный стиль его повестей никогда еще не был предметом специального изучения, но актуальность статьи обусловлена не только этим. Изучая язык произведений первого корякского писателя, мы имеем возможность видеть сам процесс зарождения авторского стиля.

Один из наиболее важных аспектов стилистического анализа – исследование способов актуализации референтов в тексте.

Выбор лексических средств интродуктивной референции во многом обусловлен жанровой спецификой текста. Анализ бытовых, фольклорных, литературных корякских и алutorских текстов позволил выявить устойчивый набор

лексических референциальных актуализаторов, наиболее востребованные из которых имена собственные, термины родства, гендерные термины, таксоны, социальные и статусные идентификаторы, этнические и локально-этнические идентификаторы. Все эти средства референции в той или иной степени используются в текстах разных жанров. При этом коммуникативные задачи, возникающие перед говорящим, влияют на выбор структуры и модели референциальной дескрипции в каждом конкретном случае. Литературный текст имеет свою специфику: его стиль является результатом сознательного творчества писателя и иногда даже результатом лингвистического эксперимента. Поиск способов выражения всегда стоит перед писателем. В связи с этим интересно проследить, как эта задача предопределяет выбор способов актуализации референта и референтных групп в художественном тексте.

Имя собственное является главным средством интродуктивной актуализации единичного референта. Имя собственное как средство референции представляет собой индексальный знак и не является дескрипцией. Имена собственные в качестве актуализаторов единичных референтов активно используются в автобиографических рассказах. Это один из самых традиционных способов актуализации референта в бытовой речи. В первой повести «Эвнито-батрак» для первичного представления персонажа К. Кеккетын использует имена собственные без сопутствующих актуализаторов: *сасојнак* *yatvalen*

məŋyatkən val?o! 'У Чачоля было десять работников' [1, с. 7]; *Ewñato qoŋrəŋ ɻelval?ak kovetataŋ* 'Эвныто всегда в табуне работает' [1, с. 7].

В повести «Последняя битва» поиски оригинального стиля повествования заставляют К. Кеккетына отказаться от традиционного способа референции. В этом произведении имя собственное самостоятельно, без сопутствующих уточнителей, в качестве интродуктивного актуализатора не используется. Имя собственное является опорным компонентом референциальной дескрипции: «<...>» – *ivi ənɪŋ sejtməkin qajtum ɻəŋ Wačaqal ɻəŋ* 'сказал его близкий родственник Вачакалын' [2, с. 8]. На первый взгляд может показаться, что ничего необычного в подобной дескрипции нет. Но если учесть, что для корякских бытовых и фольклорных текстов совершенно не свойственны многокомпонентные (трех- и более) дескрипции, становится ясно, что подобный способ введения референта (четырехкомпонентная дескрипция с опорным компонентом – именем собственным) есть результат сознательного усложнения Кеччаем Кеккетыным повествовательного стиля. Интересно, что в ранней повести «Эвныто-батрак» нет ни одной подобной дескрипции. Такие усложненные интродуктивные дескрипции появляются в повести «Последняя битва»: ... *yaŋačasuya ivi toj ɻojaček, ɻatte] nejic ɻaqin Qotaw* '... со смехом сказал молодой-парень, очень озорной Котав' [2, с. 15]. В данном случае усложнение референциальной дескрипции происходит за счет включения в ее состав качественного прилагательного. В корякской бытовой речи качественные прилагательные не используются в качестве интродуктивных актуализаторов. Кеччай Кеккетын, напротив, стремясь к изобразительности, активно использует качественные прилагательные, в том числе и как средство интродуктивной референции, например: – *Meki kujetəŋ?* – *čajtəŋqo rəŋloj* *Qes ɻəlqot, niwɻaqin to ewal ɻəŋal ɻəŋ* '- Кто идет? – поблизости спросил Кечгылькот, высокий и длинноносый' [2, с. 14].

Свидетельством стилистических поисков писателя является его попытка представлять персонажа не одномоментно, а в несколько этапов. Каждый этап осуществления интродуктивной референции вносит новое знание о референте: «...» – *rəŋloj ənpreqlavol niwɻaqin, yaqaj-jakalin* «...» – *Ənnin ənpreqlavol, ənɪŋ nənna Joltəɻajən*

«...» 'спросил старик высокий, немного осутлившийся «...» Этот старик, его имя Йолтыгый-пин <...>' [2, с. 7]. Подобное поэтапное представление референта никогда не встречается в бытовых текстах, исключительно редко – в фольклорных.

Интересно, что в повестях «Эвныто-батрак» и «Последняя битва» имя собственное не используется для актуализации женских персонажей, даже в том случае, когда женщина играет значимую роль в развитии сюжетного действия.

Для актуализации референтной группы имя собственное используется только в текстах определенной жанровой специфики, а именно в корякских мифологических текстах Вороньего цикла. В корякском языке множественное число имени собственного обозначает социальную группу, временную или постоянную, главой которой является человек, названный в основе имени. В повести К. Кеккетына «Эвныто-батрак» есть пример использования имени собственного в качестве актуализатора референтной группы: *Joltəɻajəŋo qoŋal ɻallaj*: 'Йолтыгийнинцы откочевали' [1, с. 39]. Именем собственным *Joltəɻajəŋo* в данном случае обозначается группа пастухов, во главе которых стоит старший пастух – *Joltəɻajəŋəŋ*. Актуализация происходит по именованию старшего в данной референтной группе.

Термины родства. Среди лексических способов актуализации единичных референтов и референтных групп важное место занимают термины родства. Для актуализации единичных референтов термины родства наиболее востребованы в автобиографических рассказах и мифологических сказках Вороньего цикла. В повестях К. Кеккетына термины родства, выполняя функцию интродуктивных актуализаторов, как правило, включены в состав двухкомпонентной дескрипции. В этих случаях дополнительным компонентом является притяжательная форма имени или местоимения: *ɻəŋipnək koməŋyɻomawye Čačo] to ənɪŋ nevətqet* 'Посередине грели руки Чачоль и его жена' [1, с. 13]; *Qoŋraŋ Ewñəton ɻevədige] koŋtol ɻatəŋ to külʃarəŋ kamleləŋ* 'Всегда жена Эвныто (притяжательная форма) выходит и смотрит вокруг' [1, с. 37]. Данная модель интродуктивной дескрипции: 'притяжательная форма + термин родства' является наиболее частотной в бытовой речи. Используя подобные дескрипции, Кеччай Кеккетын воспроизводит традиционные клишированные референциальные выражения. Поиск стиля начинается тогда, когда писатель стремится

¹ Примеры на корякском языке приводятся в фонематической транскрипции на латинице.

найти оригинальные способы представления референта.

Гендерные термины по степени употребительности в текстах различных жанров сопоставимы с терминами родства.

Гендерные термины представляют собой половозрастную характеристику референта или референтной группы. Самостоятельно функционирующим гендерным терминам свойственна низкая степень референциальной конкретики, что не является препятствием для актуализации второстепенных персонажей: *Davaččəp үэтоj, kinnayn ujlyškuken* ‘Женщина вышла, держит берестяную кастрюльку’ [2, с. 8].

Гендерный термин может быть опорным компонентом в составе двухкомпонентной дескрипции: *этэj боjаш* ‘все мужчины’, *qisséw յаacájо* ‘другие женщины’. В подобных примерах дополнительным компонентом интродуктивной дескрипции является определительное местоимение. Модель интродуктивной дескрипции ‘определительное местоимение + гендерный термин’ является традиционной и достаточно часто используется в фольклоре и в бытовой речи коряков.

Для исторических преданий и литературного текста характерно стремление к стилистическому усложнению, что проявляется в появлении усложненных интродуктивных номинаций. Усложнение дескрипций с опорным компонентом – гендерным термином происходит за счет определительных местоимений и качественных прилагательных: *Этэн qisséw kaijutəsčо ьоjаш то atqatəlъo pajočallaj jajak nakej?atənvaј viželъk* ‘Все другие здоровые мужчины и раненые остались в яранге следить за умершими’ [2, с. 62].

В качестве интродуктивного актуализатора в текстах разных типов могут функционировать **таксоны**. Часто таксоны используются для актуализации референтных групп. Лексема *Sujemtevilъi* ‘люди’ характеризуется неопределенной референциальной семантикой, как и другие обобщающие наименования классов однотипных существ: *niyvitu* ‘нинвиты, мифологические существа’, *pipiqlъi* ‘мыши’, *эппи* ‘рыбы’. Лексемы подобного типа характеризуются низкой референциальной значимостью, однако этого уровня конкретизации вполне достаточно для мифологических текстов, именно по этой причине наиболее востребованы таксоны в мифологических сказках, а не в автобиографических рассказах и исторических преданиях, где требуется достаточно высокая степень конкретности. В повестях К. Кеккетына для интродуктивной актуализации референтов таксоны используются

исключительно редко и только в сопровождении дополнительных актуализаторов. Например, для сюжета повести «Энъто-батрак» важно противопоставление старого (периода царской России) и нового (советского) времени, старых и новых порядков, новые люди противопоставляются прежним. По этой причине в качестве референциального актуализатора в этой повести используется дескрипция *tij=ijemtevilъi* ‘новые=люди’. Для актуализации единичных референтов Кеччай Кеккетын использует таксоны только в том случае, если речь идет о второстепенных, эпизодических персонажах.

Социальные идентификаторы характеризуются ярко выраженной прикрепленностью к текстам определенных жанров. В частности, социальные идентификаторы характерны для исторических преданий. В повести «Последняя битва» Кеччай Кеккетын изображает время межплеменных войн, в связи с этим так же, как и в исторических преданиях, в качестве интродуктивных актуализаторов используются социальные идентификаторы: *tutužetum* ‘товарищ’, *tařužtan* ‘враг’, *šaqelъen* ‘враг’, *əppəqlek* ‘знакомый’.

Социальным идентификаторам свойственна низкая референциальная конкретность, однако ее достаточно для актуализации референтной группы: *Qəmel ajjon patjužew junetək, parکawlamək tappa alapək* ‘Когда-то давно в моей молодости не смогли нас чукчи догнать’ [2, с. 19]; – *Ewən tənəpəajejnaw qisséw tutuž* ‘– Обязательно найдем других товарищей’.

Социальный идентификатор *šaqelъi* ‘враги’ восходит к атрибутиву качества и предполагает эмоциональную оценку референтной группы, что препятствует использованию подобных дескрипций в качестве интродуктивных. Лексикализованный атрибутив качества *šaqelъi* ‘враги’ может быть опорным элементом многокомпонентной дескрипции. Однако подобная дескрипция – явление исключительное, совершенно не характерное для фольклорных текстов, и представляет собой результат стилистических поисков писателя: *Daňuččaј wočel yalałaj ajjonkenau egelъi čavčävenaw, jaçat ko yalałaj* ‘Много раз здесь проходили давнишние враги чавчувенов, просто проходили’ [2, с. 5].

Социальные идентификаторы могут функционировать в качестве опорного компонента инкорпоративного комплекса. Такие дескрипции с дополнительным компонентом – основой качественного прилагательного – встречаются

только в литературном тексте К. Кеккетына: *gewwa=tap̚čo* ‘плохие=враги’, *qewwa=tap̚jo* ‘плохие враги’, *tap̚pol̚ča=tap̚jo* ‘проткнутые=враги’ (в значении ‘проклятые враги’): – *Etin miččeje-čep̚ yalalaj gewwatap̚čyo* ‘Если как-нибудь придут проклятые враги’ [2, с. 41]. В фольклорных и бытовых текстах качественное прилагательное исключительно редко используется в качестве уточняющего компонента референциальной дескрипции.

В состав дескрипции с опорным элементом социальным идентификатором может быть инкорпорирована глагольная основа. Например, в состав лексемы *sep̚en=tap̚ča-čet=tom̚yo* ‘свои враждующие товарищи’ (в значении ‘свои воины-товарищи’) по грамматическим требованиям инкорпорирована притяжательная форма возвратного местоимения *sep̚en*=. Однако особенностью данной референциальной дескрипции является инкорпорация глагольной основы: *tap̚ča-čet* ‘воевать’, которая образована при помощи постфиксa *-čet*= от именной основы *tap̚ča* ‘враг’. Глагольный постфикс *-čet*= имеет значение «интенсивности с изменением референтности» [3, с. 224].

Дескрипция *sep̚en=tap̚ča-čet=tom̚yo* может служить доказательством того, что семантика лексемы *tap̚ča-tap̚* не только ‘враг’, но и ‘войн’: – *Cetosc, qənvellatək! – yakutjallin čawčəven aŋrač ɻən sep̚en-tap̚ča-čet=tom̚yo* ‘– Хватит, остановитесь! – крикнул чавчувен старик своим=войнам=товарищам’ [2, с. 75].

Социальный идентификатор может функционировать в качестве опорного элемента трехкомпонентной дескрипции. Дескрипции этого типа встречаются только в исторических преданиях и повестях К. Кеккетына: *ən̚it tūt̚yū ɻəjaqtəlləčəčyāja* ‘его друзей девятеро’ («Последняя битва»); *ən̚it tūt̚yū ətəoŋ ‘его товариши все’* (историческое предание).

В повести «Последняя битва» в качестве интродуктивной Кеччай Кеккетын использует дескрипцию *rajočatal̚ ɻo kajul ɻalləl̚ ɻi tap̚čo* ‘оставшиеся живущие враги’. По-видимому, писатель в данном случае ориентировался на устойчивое русское выражение ‘оставшиеся в живых’, которое в корякском языке потребовало двух атрибутивов: *Rajočatal̚ ɻo jeppa kajul ɻalləl̚ ɻi tap̚čo ɻəvəlaj ɻəntevək qəčvo ɻejetəŋ* ‘Оставшиеся еще живые враги начали убегать в кедр’ [2, с. 56].

Для актуализации единичного референта

Кеччай Кеккетын использует социальные идентификаторы гораздо реже, нежели для актуализации референтных групп. Кеччай Кеккетын изобретателен в поисках оптимальных способов представления персонажа. Он использует такие способы номинации, которые совершенно не типичны для бытовых и фольклорных текстов: *Toj=7ojaček=tap̚ja kacčel ɻarəŋ ɻəvənəp wiŋva=ɻitejvək ɻijkalatək* ‘Молодой=парень=враг (в значении ‘чукча’) исподобия начал тайно=глядеть, стыдясь’ [2, с. 77]. В данном случае для представления персонажа используется трехкомпонентный инкорпоративный комплекс, в качестве дополнительных актуализаторов употреблены гендерный термин и основа качественного прилагательного.

Статусные идентификаторы. Подавляющее большинство статусных идентификаторов в корякском языке восходит к форме атрибутива, например: *jaji=!*?=и ‘сторожащие, т. е. ночные пастихи’ от *jajuk* ‘сторожить’.

Повесть Кеччая Кеккетына «Эвныто-батрак» по существу является социальным портретом корякской жизни в эпоху установления советской власти на Камчатке. В связи с этим самым частотным средством интродуктивной актуализации референтных групп являются статусные идентификаторы. В повести «Эвныто-батрак» статусные идентификаторы, главным образом, используются для актуализации референтных групп: *qačɻaval̚ ɻo* ‘бедняки’, *qačɻənač̚ ɻo* ‘бедняки’, *jal ɻatəl̚ ɻo* ‘кочевники’, *qojal ɻatəl̚ ɻo* ‘пастихи’, *vetačəl̚ ɻo* ‘работники’, *vellačəl̚ ɻo* ‘торговцы’, *pəttočəs̚o* ‘богачи’, *tejčəs̚i* ‘начальники’, *ɻelval̚ ɻo* ‘пастихи’, *eŋ ɻičeŋ ɻəl̚ ɻi* ‘ученики’, *val̚ ɻo* ‘работники-батраки’.

Статусные идентификаторы могут выполнять интродуктивную функцию самостоятельно, без сопутствующих актуализаторов: *Vɻajok tejčəs̚ ɻan pələtikj wačawčečəjək* ‘Наконец начальник закончил говорить’ [1, с. 35]; *Jeppa kojəlqallaŋ ɻelval̚ ɻəl̚ ɻi latteč ɻəkəč ɻaw* ‘Еще спали оленеводы очень крепко’ [2, с. 17].

Наличие дополнительного актуализатора в составе дескрипции усиливает референциальную значимость интродуктивной дескрипции. Дополнительный актуализатор может быть инкорпорирован, например: *toj=vəχəjča=tap̚ča-čet?* ‘новой=жизни=начальники’, *gewwa=tap̚ča-čet?* ‘плохие=начальники’. В подобных случаях дескрипция представляет собой инкорпоратив-

ный комплекс: *Tok in ɬej čajo ɬapqazək qælejvætki, qæljar ap toj=va ɬejnə=tajlač ɬajtaŋ!* ‘Ну, быстрой закончив пить чай, иди, посмотри на новых=начальников!’ [1, с. 52]. Качественное прилагательное в составе дескрипции призвано отразить эмоциональное отношение главного героя повествования к конкретной группе персонажей, тем самым усилить эффект эмоционального воздействия на читателя.

Среди референциальных актуализаторов отдельное место занимают **атрибутивы, характеризующие референтную группу по актуальному в настоящий момент действию**. В бытовых и фольклорных текстах встретилось только два примера подобной номинации: *kajallil ɬi* ‘ищущие’ (пример из мифологической сказки), *taɬll ɬi* (пример из автобиографического рассказа) ‘болеющие’. В то же время Кеччай Кеккетын активно использует атрибутивы действия в качестве интродуктивных актуализаторов: *jælgæl ɬo* ‘спящие’, *anotval ɬo* ‘летовщики’, *jatæl ɬo* ‘возвращающиеся домой’, *lælapæl ɬet* ‘смотрящие=двою’, *atqatal ɬo* ‘раненые’, *emtal ɬet* ‘борющиеся=двою’, *palomiel ɬo* ‘слушающие’.

Атрибутивы, характеризующие персонажа по актуальному в настоящий момент действию, поддерживают ощущение динамичности развивающихся событий: *Jeqqe palomella ɬo jaqlaj, ati aqaleŋawljaj* ‘Только слушающие почему-то встревожились’ [2, с. 12]; *Lælapæl ɬet qædvo ɬeŋqæd qælqæl ɬet* ‘Смотрящие (двою) из кедрачей смотрели на спящих’ [2, с. 44].

В повести «Последняя битва» К. Кеккетын в качестве интродуктивных номинаций используют дескрипции, представляющие собой инкорпоративный комплекс с опорным компонентом – атрибутивом действия: *jaja=ŋi=l ɬæ=* ‘дом=сторожащие=двою’, *čawat=ŋæŋæ=17=* ‘аркан=несущие’, *əjæt=ŋæŋæ=17=i* ‘лукки=несущие: Kamlæl ɬej əjæk kolalaŋ əjæt=ŋæŋæ=17=i ‘Вокруг него идут лукки=несущие (лучники)’ [2, с. 59]. В фольклорных и бытовых текстах номинации подобного рода в качестве интродуктивных используются исключительно редко.

Атрибутивы действия могут функционировать в качестве опорного элемента двухкомпонентной дескрипции: *ətæl ɬæŋenal ɬo* ‘все пре-

следующие’, *aʃaŋ anotval ɬo* ‘другие летовщики’, однако гораздо чаще Кеччай Кеккетын использует атрибутивы действия в качестве дополнительного компонента интродуктивной дескрипции: ...*kumŋati palomella ɬæn tojŋævæd ɬæn* ‘...восхлинула слушающая молодая женщина’ [2, с. 11].

Действие может представляться как принципиально обобщенное. Атрибутив обобщенного действия *val ɬo* (кор.) ‘находящиеся’ предполагает наличие уточняющего обстоятельства места. Данный атрибутив функционирует в качестве дополнительного компонента интродуктивной дескрипции: *Kamlæl ɬej val ɬo ətæl oʃaw, ewəŋ ɬat ɬiʃe pæmel ɬew uviknulvæka* ‘Вокруг находящиеся все мужчины уже почти не видели друг друга’ [2, с. 10]. Однако в том случае, когда лексема *val ɬo* функционирует в качестве статусного идентификатора в значении ‘работники-батраки’, она может употребляться без дополнительных актуализаторов: *Dætolaj val ɬo toŋval ɬajtaŋ aqawlaj* ‘Вышли работники и в табун отправились’ [1, с. 60].

Атрибутивы предмета характеризуют референтную группу по факту обладания в данный момент какими-либо предметами, например, орудиями труда. Атрибутивы этого типа практически никогда не функционируют в качестве интродуктивных номинаций. Единственный пример *əjæl ɬi* ‘с=луками, т. е. лучники’ подобной интродуктивной дескрипции встретился в повести Кеччая Кеккетына «Последняя битва»: *Əna, miŋkæje tæcsepitæŋnew əjætæl ɬi* ‘Что ж, где же лучники?’ [2, с. 45].

Атрибутив предмета может характеризовать группу референтов, подчеркивая специфику одежды protagonists. Дескрипции подобного типа не встречаются в бытовых и фольклорных текстах. Подобная интродуктивная номинация имеет место только в тексте повести Кеччая Кеккетына «Эвныто-батрак»: *ičvæ=reŋkel ɬo* ‘остро=шапочники’, имеются в виду красноармейцы в буденовках: *Ičværeŋkel ɬan jojole, etonen čajoč ɬeŋqæd milχəri to jekminenpi* ‘Острошапочник догадался, – достал из мешочка пистолет и дал Эвныто посмотреть’ [1, с. 53]. Эта дескрипция подчеркивает, как воспринимает главный герой повести Эвныто впервые увиденных им солдат Советской армии.

Этические и локально-этнические идентификаторы по степени востребованности в повестях Кеччая Кеккетына занимают одну из последних позиций. В то же время для автобиографических рассказов и исторических преданий идентификаторы этого типа достаточно характерны.

В повести «Эвныто-батрак» Кеччай Кеккетын использует локально-этнический идентификатор в той же манере, в какой это характерно для бытовой речи, т. с. без сопутствующих актуализаторов: — *Ajyove ўэссе egevi, jallaj шијвалы* ‘(Когда) недавно ты отправился, приехали тигильцы (жители с. Тигиль)’ [1, с. 20].

В повести «Последняя битва» локально-этнический идентификатор функционирует в качестве опорного компонента стилистически сложной, авторской дескрипции: *Mažjavak kotvap обсан, tit etun tite jo?ak egele, якаје ne ўантеваканинew wukku junetalы сашауаш* ‘Не подалеку есть очан, чтобы, если настигнут врачи, туда убежали живущие здесь чавчувины’ [2, с. 5]. Дополнительным компонентом дескрипции является атрибутив действия *junetalы* ‘живущие’. В фольклорных и бытовых текстах атрибутивы исключительно редко функционируют в составе интродуктивных номинаций. Кеччай Кеккетын, напротив, использует атрибутивы не только в качестве дополнительных, но и в качестве

опорных элементов интродуктивных дескрипций.

Заключение. Появление письменности на корякском языке стало стимулом для развития индивидуального литературного творчества коряков и, в частности, первого корякского писателя Кеччая Кеккетына. Писатель сознательно работает над стилем своих повестей, в том числе и над способами первичного представления персонажей в тексте. Опираясь на традиционные клишированные референциальные формулировки, он постепенно начинает их усложнять. В повестях Кеччая Кеккетына главным средством усложнения референциальных номинаций являются качественные прилагательные и атрибутивы, использование которых в этом качестве не характерно для бытовых и фольклорных текстов коряков.

Литература

1. Кеккетын К. Евныто val'an. Эвныто-батрак (рассказ на корякском языке). — Л., 1936.
2. Кеккетын К. Vatqы'эн кајевеit. Последняя битва (рассказ на корякском языке). — Л., 1936.
3. Мальцева А.А. Морфология глагола в алтюторском языке. — Новосибирск, 1998.

Голованева Татьяна Александровна, канд. филол. наук, аспирант сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск).

Golovaneva Tatjana Alexandrovna, candidate of philological sciences, post-graduate student of department of Siberian languages of the Institute of philology (Novosibirsk), Siberian branch of Russian Academy of Science.

Tel: 8-914-052-77-60; e-mail: gta-77@mail.ru

УДК 811 + 39

Г.С. Доржиева

Топонимы-этнографизмы во франкоканадской лингвокультуре

В статье рассматриваются топонимы-этнографизмы, отражающие предметы и понятия, связанные с особенностями материальной и духовной культуры коренных народов Квебека, социальной организациейaborигенного общества, с адаптивным комплексом их традиционной культуры и быта к природной среде (жилье, одежда, пища, орудия труда и быта).

Ключевые слова: этнография, этнолингвистика, топонимика,aborигенная топонимия, этнографизмы, amerindianisms, материальная и духовная культура.

G.S. Dorzhieva

Ethnographic toponyms in the French Canadian linguistic culture

The article is devoted to the investigation of ethnographic toponyms reflecting the objects and the concepts, associated with the peculiarities of material and spiritual culture of indigenous peoples of Québec, with social organization of the aboriginal society, adaptive complex of their traditional culture to the natural environment (housing, tools and household, clothing, food).

Key words: ethnography, ethnolinguistics, toponymy, indigenous minority toponymy, material and spiritual culture, ethnographisms, amerindianisms.

Известно, что различные виды окружающей среды требуют различных форм адаптации, поэтому и развитие культур идет в разных направлениях. Реальная историческая практика убеждает: чем проще культура, тем сильнее прямое влияние географической среды и наоборот.

Большинство отечественных исследователей (Н.М. Шанский, А.В. Калинин, О.Н. Мораховская, Е.Н. Этерлей и др.) считает этнографизмы названия предметов, характерных для быта, хозяйства, культуры той или иной территории или народа. Другие (Н.А. Мещерский, О.Н. Не-